

Владимир Гостюхин:

СТРОГО СПРОСИ С СЕБЯ!

Разговор наш начинался с главного: что происходит в сегодняшнем кино? Какое оно? И каким мы хотим его видеть? Непростые вопросы... И, конечно же, нет у заслуженного артиста БССР Владимира Васильевича Гостюхина готовых, однозначных ответов на них, хотя размышляет он об этом сейчас очень много — ведь в этом его жизнь.



— Поверите, — говорит актер, — я даже по ночам просыпаюсь с этими неотступными мыслями и в тишине веду какой-то «внутренний монолог», порой настолько горячий, что, будь он услышан, все, кажется, встало бы на свое место...

Спорю с каким-то невидимым противником и так убедительно, так голково доказываю свою правоту, так нелюбезно критикую виновников наших неудач!..

Думаю, впрочем, не только я озабочен этим сегодня и не у меня одного появились сейчас и добрые надежды на перемены, и это стремление убрать с дороги все завалы, весь мусор...

— Как вы решаете для себя, принять или не принять предложение сыграть ту или иную роль? Какие критерии решают тут дело?

— Начну с того, что ни один актер — и я тут не составляю исключения — не может позволить себе роскошь отказываться от всего, что не является безоговорочным шедевром. Хотя бы потому, что живая практика искусства определяется не одними вершинами. Так что какой-то разумный компромисс возможен. И если в образе героя просматривается незаурядный характер, и если к тому же, «примеряя» его на себя, я вижу возможность открыть в нем что-то новое, важное в плане гражданском, нравственном, психологическом, мне такая роль подходит.

Так было, например, в случае с фильмом «Лунная радуга», сценарий которого был, к сожалению, схематичен. Но в образе своего героя я увидел возможность открыть человека какой-то другой заправки, характер, с которым я столкнулся впервые.

Искренне, с полной отдачей работал я и в фильме «Такая жесткая игра — хоккей», хотя и на этот раз сценарий мне не очень нравился. Но спортивная тема — для меня новая — требовала новых актерских средств и в рисунке роли, и в плане психологическом. Это было интересно.

Не может и не должно быть у актера также ложных амбиций, кичливости — не беда, если ему предлагают всего лишь эпизод в картине. Вот сейчас на «Беларусьфильме» режиссер Михаил Пташук снимает фильм «Знак беды» по повести Василя Быкова. В предложенной мне маленькой роли Новика — человека, проводившего в деревне конца двадцатых годов раскулачивание, я увидел интересный, исторически предопределенный социальный тип.

Но главное русло актерской судьбы — это, конечно, роли, позволяющие широко и вольно «высказаться», захватить жизнью своего героя, добраться до его человеческой сути, до истоков и побуждений, ведущих его по жизненному пути. Если были у тебя такие роли, считай, что ты счастливчик, что не зря ждал своего часа, мучился поисками, недовольством собой. Ведь право на роль, право быть замеченным «нарабатывается» годами упорного труда, истовой верой в свое призвание.

— Вот эта возможность высказаться, захватить жизнью героя, как она реализуется в работе над образом, воплотившим философию, нравственные устои, противоположные, даже враждебные вашему собственному гражданскому кредо? Ведь в этом случае «слияние» должно даваться особенно трудно!

Как шла, например, работа над образом Ры-

бака в фильме Ларисы Шепитько «Восхождение», ставшим заметной вехой на вашем актерском пути?

— Ну, об этом счастливым времени можно рассказывать долго.

Для меня Рыбак — фигура поистине трагическая. И мало было обнажить истоки его предательства, выразить свое гражданское и человеческое осуждение, презрение к его поведению. Мне важно было решить художественную задачу более широкого социального и нравственного масштаба. Анафема войне — так бы я ее сформулировал. Войне как страшнейшему бедствию, уродующему человека не только физически, но и морально. Войне как разрушительной, темной, античеловечной силе.

Я был далек от мысли оправдывать своего героя, но мне было важно показать эту трагическую расстановку сил: война — человек, социальный и, если хотите, общечеловеческий смысл нравственного падения человека.

Лариса Шепитько была режиссером удивительным. Ей нужно было полное единообразие с исполнителем, но, когда это достигалось — порой в жестких спорах, несогласии и, наконец, в радостном примирении, — она была самым чутким другом и верным помощником, согревала доверием, любовью, терпением и никогда не «давила», не стремилась подчинить своему режиссерскому диктату.

При этом она, как никто другой, умела создать на съемках тот «возвывающий обман», ту атмосферу игры, при которой все ее участники верят в правду происходящего.

Поначалу мы с актером Борисом Плотниковым, исполняющим роль Сотникова, по-человечески как-то ощущали взаимное притяжение, душевный контакт. Но вот шла работа над картиной, шел процесс вживания каждого из нас в свою роль, и начался психологический феномен, который мы и сами, наверное, не сознавали: роли все упорнее разводили нас, создавали все более осязаемое чувство несоместности.

Теперь я вспоминаю, что в глазах режиссера можно было заметить этаким победный блеск, который всегда сопутствует достижению цели. Да, она этого, наверное, хотела, добываясь подлинной правды чувств, полного актерского перевоплощения...

— Вам каким-то образом удается избежать самоповторения, уходить от опасности эксплуатировать свою актерскую характерность, фактуру в сходных ролях. Но при этом в каждой есть что-то «гостюхинское», знакомое зрителю и с благодарностью принимаемое им..

— А секрет тут нехитрый. Актерская профессия изначально предполагает обостренный интерес к человеку во всех его проявлениях.

Пристально вглядываться и размышлять приходится постоянно, «без выходных». И все свои жизненные впечатления откладываешь до случая. Порой даже забываешь о них, но они тут, никуда не денутся и в свой срок непременно выплывут на поверхность.

Отсюда актерская «жадность» к неожиданным для тебя ролям, к новизне. Поясню свою мысль: это идет не от стремления кого-то удивить, а от искренней потребности идти в глубь человеческой души.

Ну а герой романтического склада, герой-рыцарь — это уж для актера истинный подарок судьбы. Вот режиссер Станислав Говорухин на Одесской студии снял фильм «Дети капитана Гранта». Я играю в нем Мак-Набса — воплощение мужества и благородства.

Как нужен сейчас нашему юношеству именно такой киногерой! Пусть он несколько наивен, прямолинеен. Я хочу, чтобы в него влюбилась все мальчишки, чтобы его честность и простодушие тронули их сердца. С хорошим, светлым настроением работаете мне и в фильме С. Овчарова «Левша», где я играю Платова. Здесь есть где «разыграться», поискать истинно лесковские черты русского характера, совместить и шутку, и серьез.

— А теперь, пожалуй, самое время вернуться к тому, с чего начинался наш разговор, — к тем завалам и мусору, которые надо убрать с дороги киноискусства. Чтобы ваши «внутренние монологи» могли быть услышаны.

— Я не претендую на то, что мои соображения будут исчерпывающими. Скажу хотя бы о том, что ясно видно с нашей актерской колокольни.

Начать со сценариев, с которых исходят все беды. И робости здесь в постановке общественно важных проблем — не только производственных и экономических (тут, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки), но и нравственных. Досадно, что смелые, яркие сценарии иногда встречают отпор редактуры.

Есть и другая разновидность перестраховки — усечение хорошего сценария, сглаживание всех острых углов до такой степени, что картина лишается своего первоначального смысла.

Работа в фильме В. Абрашитова и А. Миндадзе «Охота на лис» — незабываемый этап моей творческой жизни. Здесь все приносило радость: и гражданский темперамент, наполненность драматургии, и общение с режиссером, художником увлеченным, знающим, чего он хочет, и атмосфера единомыслия авторов, и хороший молодой азарт всех членов съемочной группы. О теме картины, проникнутой пафосом человечности, я уж не говорю.

Сценарий этот меня приворожил, и особенно его сильный финал — большая и очень эмоциональная сцена встречи героев, поднимавшая драму до уровня высокой трагедии.

И что же? Некоторые руководящие товарищи решили, что зритель — а картина адресована зрителю серьезно — не сможет разобраться в происходящем и увидит в сцене одну лишь жестокость героев. В фильме этот финал приказали убрать. Когда видишь на экране такую «усеченную» картину, хочется заплакать.

Но недавно в книге сценариев А. Миндадзе я прочитал «Охоту на лис» в первоначальном виде. Чего же было пугаться? Побывали бы те «осторожные» товарищи на наших интереснейших встречах с молодежью кинолюбителей (кстати сказать, эту форму эстетического воспитания нужно всячески развивать, а не свергивать, как это кое-где делают), послушали бы, как умно, серьезно, заинтересованно там судят о кино! На этих встречах меня часто спрашивают: кто же дает путевку в жизнь слабым сценариям? Я думаю, беда в том, что на них, к сожалению, тут же находятся режиссеры, готовые их поставить. Ведь это куда проще, чем, скажем, сделать фильм «Остановился поезд»...

Но всем этим «завалам», порожденным равнодушием, перестраховкой, косностью мышления, могу еще прибавить великую и порой непредсказуемую неорганизованность кинопроизводства на некоторых киностудиях. На словах все понимают, скажем, что труд актера — это процесс творческий, тонкий и т. д., и т. п. А на деле? Разве мы видим необходимую заботу, внимание к себе? Часто отсутствие гостиницы, невостребованность с билетами на поезд или самолет и прочие «мелочи» так способны испортить настроение, что куда там «войти в образ», дай бог живым выбраться из этих переделок! И сколько же творческих потерь несет кино от всей такой бесхозности!

— И последний вопрос: что вы думаете о кинокритике? О ее нынешнем состоянии, о ее роли?

— Это очень обширная тема. Если говорить о ней всерьез, не хватит газетной полосы, а коснуться коротко, значит, повторить общеизвестное.

У меня на этот счет есть такая точка зрения: прежде всего строго спроси с себя!

Беседу вел
Ф. МАРКОВА,

● Владимир Гостюхин.

Фото С. Иванова.